

Некоторые ошибки явно вызваны незнанием русского языка, что, повидимому, является также основной причиной того, что аннотированные советские работы не сопровождаются никакими замечаниями.

Таким образом, справочник Марузо обнаруживает тот же порок, который присущ всей буржуазной библиографии. Отмечая с мелочной скрупулезностью самые незначительные или даже ничтожные явления западноевропейской и американской литературы об античности, библиографический справочник Марузо явно недостаточно отражает состояние самой передовой науки, науки советской. При этом, если литература на русском языке все же представлена у Марузо, хотя далеко не полно и с искажениями, научная литература об античности на других языках народов СССР вовсе не попала в справочник. Благодаря социалистическому строю нашего общества, благодаря мудрой сталинской национальной политике, расцвела и растет в невиданных в истории темпах культура народов СССР. В ряде советских республик созданы свои Академии Наук, имеющие выдающиеся достижения во всех областях знания. Но напрасно мы стали бы искать в справочнике Марузо научную литературу об античности на украинском, грузинском или армянском языке. Библиографический справочник Марузо, таким образом, не стоит на уровне достижений мировой науки, в которой советская наука призвана занять доминирующее место. Справочник поэтому не может удовлетворить советского ученого.

Б. И. Нидель

JOAN EVANS. Time and Chance. The story of Arthur Evans and his forebears. Longmans, Green & Co., London—New York—Toronto, 1943, 410 стр.

В июле 1941 г. скончался в возрасте 90 лет знаменитый ученый и археолог, внесший огромный вклад в науку раскопками на Крите, Артур Джон Эванс. 20—21 мая 1940 г. фашисты захватили Крит. Кносс подвергся бомбежке, музей в Кандии со всеми ценностями погиб в огне. Одновременно Лондон подвергался нападениям с воздуха. Значительно пострадал Британский музей: два зала ваз и терракот полностью вышли из строя, с зала греко-римской жизни снесена крыша, библиотека и зал монет и медалей, с которым было связано три поколения Эвансов, тоже разрушены.

Эвакуацию английских войск с Крита Эванс не мог простить. Он рассматривал это не только как измену Греции, но и как измену историческому прошлому.

Все это подорвало его силы и ускорило его смерть.

У нас, в Советском Союзе, имя Эванса пользуется широкой известностью, но мало кто знаком с его жизнью и деятельностью и с историей раскопок на Крите.

Поэтому книга, написанная его сводной сестрой Джоанной Эванс на основании семейных архивов, дневников, писем, вызывает к себе интерес, являясь первой книгой, посвященной жизни и деятельности человека, наследовавшего славу Шлимана и обогатившего своими трудами дотоле неясный исторический период, период минойской культуры на Крите. Однако нашего читателя эта книга удовлетворить не может. Это скорее семейная хроника, чем биография ученого.

Само название книги—«Время и случай»—продумано автором. Книга начинается с биографии предков Артура Эванса, насколько документы позволяли автору проследить биографию представителей трех поколений этого валлийского рода, начиная с XVIII в. Основная мысль книги, определившая ее название, типична для определенного круга английской буржуазии: «время, т. е. темперамент и традиции семейного круга, продолжают оказывать свое влияние на всех представителей его, но «случай»—история—видоизменяет их интересы, направляет их жизнь по другому руслу, ставит новые, ранее неизвестные, задачи.

Наиболее видными представителями рода Эвансов являются Джон Эванс и его сын Артур.

Джон Эванс, консерватор по убеждениям, владелец бумажных фабрик, любитель древности и коллекционер, сыграл большую роль в изучении палеолита. Его все большее увлечение геологией и участие вместе с Прествичем в ряде геологических экспедиций (с 1857 г. он входит в состав Геологического общества) сблизили его с Буше де Пертом, открывшим в районе реки Соммы в Аббевиле первые кремневые орудия и топоры.

Открытие существования палеолитического человека нанесло удар церковно-христианскому учению с его антропоцентризмом и разрушило традиционную хронологию.

Признание Эвансом и Прествичем обоснованности открытий Буше де Перта создало возможность Дарвину в его работе «Происхождение видов», изданной в 1859 г., приложить свою теорию непосредственно к *Homo sapiens*. Углубляя и совершенствуя свои знания по палеолиту, одновременно Джон Эванс продолжал и свои нумизматические работы. За книгу о древних британских монетах, их каталогизацию и эволюцию Эванс получил высшую нумизматическую награду от французской Академии.

С 1880 г. Эванс пользуется уже широкой известностью как ученый и в Англии и за ее пределами настолько, что французская печать того времени ставила его в один ряд с Дарвином и Спенсером.

Дом Джона Эванса в Нэш Миллс, вблизи Лондона, все более превращался в музей, наполненный редкими вещами, начиная с палеолита и до XVIII в.

В этой обстановке рос и воспитывался Артур Эванс «маленький», как называли его тогда в отличие от «большого Эванса»—его отца.

Главы XI—XX посвящены жизни и деятельности Артура Эванса. Автор отмечает различие политических взглядов Джона и Артура Эвансов: «Для Джона Эванса политика была простым практическим делом. Он унаследовал от отца склонность к консерватизму, и его политическое кредо могло быть выражено кратко: «Мир, процветание и производство бумаги» (Peace, prosperity and paper making) (стр. 164). Сын его был либералом, сторонником политики Гладстона, и поскольку, как отмечает автор, внутренняя политика Эванса интересовала мало и все внимание было приковано к внешней политике Англии, то в первую очередь Эванс, повидимому, и решил попробовать свои силы вне Англии—на той части европейской территории, которая вскоре стала ареной крупных политических событий—на Балканах.

Первое путешествие на Балканы Эванс предпринимает в 1872 г. из Пешта пешком через горы в Румынию и Болгарию, прячась от пограничной охраны и не имея на руках, повидимому, необходимых виз. Можно догадаться, хотя автор деликатно об этом умалчивает, что уже в эту первую поездку Эванс не случайно выбрал Балканы, а направился туда неофициальным разведчиком Гладстона, которому и был подарен потом авторский экземпляр вышедшей в 1876 г. (в период Герцеговинского восстания) его книги «Пешком через Боснию и Герцеговину, в период восстания, в августе и сентябре 1875 г. с историческим обзором Боснии и впечатлениями о кроатах, славянах и древней республике Рагузе». Книга вышла своевременно—в период, когда Англия, по словам самого автора, «относилась серьезно к политике на Балканах, поскольку от нее зависело равновесие европейских держав». Гладстон пишет Эвансу благодарственное письмо, книга цитируется в палате общин, и Гладстон использует материалы Эванса о жестокости турок для речи в национальном собрании по восточным вопросам, речи, направленной против политики Дизраэли.

С этой поры Артур Эванс становится авторитетом по славянским вопросам, принимает пост секретаря английского Комитета помощи славянам и, становясь корреспондентом прогладстоновской и антитурецкой газеты «Манчестер Гардиан», вновь отправляется на Балканы, имея основной базой полюбившуюся ему Рагузу. «И скоро,—пишет автор,—он везде примелькался, размахивая своей тростью и быстро пробегая по улицам, неожиданно останавливаясь, чтобы рассмотреть цветок или витрину, и всегда готовый вступить в разговор с каждым, кто его начнет». «Сумасшедший англичанин с болтающей тростью» был безобидным и дружелюбным; и хотя каждый определенно чувствовал, что он был гладстоновским агентом и передавал сумки золота

вождям инсургентов, которые посещали его по ночам, это не было основанием думать о нем плохо». Эванс, действительно, развивает энергичную деятельность, предпринимая ряд выездов в центры восстания—и в Герцеговину и в Боснию и даже в штаб-квартиру турок в Боснии. Он собирает факты и имена и посылает статью за статьей в английскую прессу. Его подлинное отношение к восставшим славянам, однако, не выходило за рамки обычного мировоззрения английского буржуа, либерально настроенного к колониальной периферии. Он приветствует демократический дух славян, не угасший под тиранией Турции, но его шокирует то «духовное братство и равенство», которым пропитаны славянские народы. Он за демократию, но без братства и равенства. В конце концов, Эванс был арестован австрийскими властями «за шпионаж» и подвергнут тюремному заключению в Рагузе в 1882 г. «Он был слишком неосторожен»—такое официальное мнение Гладстоновского кабинета, который старался не скомпрометировать себя хлопотами об его освобождении.

Арест и тюремное заключение, как можно вывести из дальнейшего, охладили Эванса, и с этого момента он отходит от политики и, вернувшись в Англию, получает в 1884 г. место хранителя Ашмольского музея в Оксфорде. Период работы Эванса в Ашмольском музее знаменовал собой поворотный пункт в изучении истории и археологии. До Эванса Ашмольский музей представлял собой подбор различного рода энтомологических и зоологических коллекций, а также археологических памятников и живописи. Эванс поставил перед музеем новую задачу: «Нашей задачей является история, история развития и успехов человеческого искусства, институтов и верований в истории земного шара... Неписанная история человечества предшествовала писанной; изучение памятников предшествует изучению книг» (стр. 270). Однако для превращения Ашмольского музея в музей истории и археологии Эвансу пришлось вести упорную борьбу с рутинной университетской догматикой, которая считала археологию второстепенной наукой: по мнению профессора Джоетта, который фактически возглавлял консервативно настроенную профессию, археология кончалась вместе с началом христианской эры, и кафедра археологии была ограничена рамками только классического периода. Шесть лет продолжалась упорная борьба, которая закончилась победой Эванса. За эти шесть лет музеем в несколько раз увеличил свои исторические коллекции и в качестве историко-археологического музея стал приобретать все большую и большую известность. Эвансу удалось добиться, несмотря на сопротивление профессуры, расширения помещений, оборудования, выдачи ежегодных сумм на приобретение новых археологических коллекций и памятников. Археология заняла постепенно почетное место среди других наук.

Раскопки Шлимана, находки в Трое, в Микенах и в Орхомене привлекали всеобщее внимание. Однако, если для Шлимана все сделанные им открытия были лишь вещественными иллюстрациями к Гомеровским поэмам, то для Эванса сразу же стало ясно, что эти памятники говорят об истории бронзового века, хотя истоки микенской культуры были еще для всех неясны.

Вместе с отцом жены, историком Фриманом, работавшим в то время над «Историей Сицилии», Эванс проводит работы в Сицилии, интересуясь, главным образом, сицилийскими монетами и медалями. И здесь, однако, раскопки Орси давали определенные указания на доисторию Сицилии, в частности в погребениях сикулов Орси были обнаружены микенские вазы. Уже в этот период Эванс приходит к выводу, что древние обитатели Сицилии находились в оживленных сношениях с доисторической Грецией—до появления греческих колонистов и финикийских купцов.

Уже в этот период (1890—1895 гг.) у Эванса появляется интерес к Криту. Первоначальные планы Шлимана проводить археологические работы в Кноссе отпали; у Эванса, наоборот, все более крепло убеждение в необходимости исследовать Крит в связи с микенскими находками. Этот интерес был, в основном, интересом к пиктограммам, к находкам «греческого иероглифического письма», причем многие из печатей, по утверждению торговцев, происходили с Крита. Таким образом, постепенно Эванс приходит к выводу, что разгадку появления иероглифического письма в Европе нужно

искать на Крите, который был промежуточным звеном между Египтом и средиземноморским районом Греции и южной Италии.

После смерти Фримана в 1892 г. он работает над четвертым, оставшимся незавершенным, томом последнего труда Фримана «История Сицилии», оживляя историческое изложение детальными археологическими комментариями и выводами. Для Ашмольского музея сстроилось уже новое здание, и план Эванса о слиянии университетских галлерей с Ашмольским музеем под руководством одного лица проводился в жизнь.

В 1894 г. Эванс высаживается в Кандии на Крите с твердым намерением начать раскопки в Кноссе. Территория, на которой должны были производиться раскопки, принадлежала двум собственникам. После долгих переговоров Эвансу удалось купить часть территории Кносса, а впоследствии (через несколько лет) и всю землю. До 1896 г. Крит рассматривался, как микенская провинция. Уже первые археологические разведки на территории Кносса убедили Эванса в том, что культура Крита древнее микенской, и в 1896 году Эванс впервые вводит в употребление для Крита специальную терминологию—«минойская культура».

Период 1896—1899 гг. был озаглавлен на Крите борьбой христианского населения с турками, борьбой, сопровождавшейся ревней и убийствами. В этот период Эванс лишь наведывается на Крит; свои впечатления от политической обстановки на Крите он вновь печатает в виде писем в «Манчестер Гардиан», однако на этот раз как наблюдатель, а не как активный деятель. Только 23 страницы книги посвящены знаменитым раскопкам на Крите (1899—1906 гг.).

Раскопки начались в марте 1900 г. Помощником Эванса был его друг Хогардт, который знал восточное Средиземноморье настолько же хорошо, насколько Эванс знал западное. На второй день раскопок уже были обнаружены дворцовые строения и появились на свет первые дворцовые фрески. 27 марта (на 4-й день раскопок) Эванс отмечает в дневнике: «Исключительное явление—ничего греческого, ничего римского... Нет даже геометрического...» Перед Эвансом раскрывался новый, дотоле неведомый мир. Эванс был одним из первых археологов, при котором постоянно присутствовал архитектор, так что параллельно с раскопками сразу велась работа по восстановлению и реконструкции памятников. Эванс никогда не был по призванию античником-археологом. Его интересы были шире, и в античности его, пожалуй, прежде всего интересовало всякое проявление «не античного». Поэтому новый мир, открывшийся Эвансу, поразили и увлек его.

1900—1906 гг. были годами систематических раскопок Кносса. Уже в этот период остатки минойской и микенской культуры обнаруживались археологами в различных районах Эгейского бассейна: Микены, Тиринф, Вафио, Филакопи, о. Мелос и отдельные находки в Кикладах. Заслугой Эванса явилось то, что он впервые сделал попытку обобщить этот разрозненный материал и осмыслить его исторически. В 1909 г. вышел 1-й том его «*Scripta Minoa*», посвященный систематизации и анализу новооткрытой письменности; 2-й и 3-й томы «*Scripta Minoa*», над которыми Эванс работал все последние годы своей жизни, он не успел закончить, и профессор Майрс сейчас обрабатывает для издания эти материалы.

Ряд отдельных работ по Криту Эванс опубликовывал в разное время; но его капитальным трудом является четырехтомная работа «Дворец Миноса» (1921—1935). Эванс не мог отказать себе в удовольствии «эпатировать эллинистов» заявлениями вроде того, что «Гомер, собственно говоря, был переводчиком, и что иллюстрированное издание его оригинала недавно вышло в свет на Крите и в Микенах, что, коротко говоря, он обрабатывал более древний минойский эпос и в сравнении с ним был чем-то вроде литературной ищейки» (стр. 365). Оставаясь до конца своей жизни меценатом и коллекционером, он оборудовал в Йолберри собственный дом-музей, с прекрасным садом и библиотекой; в Кноссе он тоже построил свой дом, позже переданный им Британскому археологическому обществу.

Мастерски проводимые раскопки и тщательно издаваемый материал новых находок на Крите создали ему мировую известность. Он становится президентом и почетным членом многих научных обществ, почетным доктором нескольких английских универ-

ситетов; в 1920 г. он получает золотую медаль от Шведского общества антропологии и географии—впервые после Монтелиуса; Лондонский университет награждает его почетной медалью Петри; в 1934 г. его бюст был поставлен у входа в древнее местоположение Кносса; Эванс был, кроме того, признан почетным гражданином Кандии и увенчан лаврами.

В первую империалистическую войну он оставался гуманистом, и проповедь ненависти, все громче раздававшаяся из германских университетов, заставляла его выступать и устно и в печати за сохранение памятников культуры от уничтожения... В противовес этой проповеди ненависти он призывал свою страну к культурному росту. «Да будет позволено нам подготовиться к более серьезной борьбе. У нас слишком много невежества, апатии, ненаучных умственных навыков, мы слишком поглощены спортом и развлечениями». Он указывал на то, что Англия отстает в своей учебной и университетской работе от других стран, и видел в этом симптомы надвигающегося умственного кризиса, который может иметь тяжелые для Англии последствия.

Новую войну 1939 г. он встретил пессимистически, не доверяя «английскому политическому и военному уму». Каждый новый шаг воинствующего германского фашизма наполнял его горечью и болью: Албания стала базой итальянских атак на Грецию; Югославия доблестно и одиноко сопротивлялась Германии; Греция была прокорепа. Каждый шаг германской армии проходил по землям, с которыми связана была вся его жизнь; каждый взятый немцами город был ему хорошо знаком и любим. Наконец, почти без сопротивления, англичане оставили Крит.

Потерю Крита он пережил не надолго.

Эванс не был гениальным ученым и не создал школы. Однако его прекрасная эрудиция, его особое «микроскопическое» зрение позволяли ему безошибочно определять и анализировать археологические объекты; он не был ученым доктринером, и политическая борьба славян против Турции, Австро-Венгрии и Германии не проходила мимо его внимания. Будучи богатым человеком, он мог позволить себе роскошь заниматься археологией и историей как любитель и собственник всего добытого им из-под земли археологического материала. Примыкая к либеральной партии, он считал себя «индивидуалистом» и позволял себе иметь ряд собственных мнений и убеждений, идя иногда дальше официальной платформы английского либерализма. У него был четкий и острый ум без особенно глубокого анализа и синтеза; воображение и творческая фантазия в его работах занимали первое место, наряду с научным анализом отдельных предметов. Его общеполитическая концепция не блистала оригинальностью или новизной; здесь он не выдавался над уровнем буржуазных историков среднего масштаба. Именно поэтому, предложив ныне общепризнанную периодизацию отдельных отрезков истории Крита, которая могла быть установлена только на базе блестящего освоения и разработки открытых памятников Крита, он вместе с тем, поддаваясь своим же, часто преувеличенным, реконструкциям, признавал Крит феодальным государством европейского типа.

Но биографа А. Эванса не интересует специально выяснение научного пути А. Эванса; биограф идет по чисто хронологическому пути дневников и писем, не отделяя главного от второстепенного. Мельчайшие события в семействе Эвансов трактуются совершенно в одинаковом плане с научным путем самого Эванса, и, пожалуй, самое меньшее место в книге отведено как раз кносским раскопкам Эванса.

Книга Джоанны Эванс является в значительной степени еще сырым материалом, требующим дополнительной переработки.

Сам Эванс дан как заключительное звено предшествующего рода Эвансов и как повод для того, чтобы более живо показать всех его предков. Поэтому все, что касается членов семьи Эванса, рассматривается как не менее важное и значительное, чем то, что касается непосредственно А. Эванса. Этот типично английский метод подачи материала загромождает память сотнями излишних фактов и событий, не интересных для советского читателя. Однако как первый опыт сбора материала из личных архивов Эванса эта книга интересна; многие материалы из биографии Эванса впервые опубли-

кованы; особенно интересны материалы по борьбе Эванса с научной рутинной университетских кругов Англии.

Конечно, советский биограф никогда не написал бы так ни одной биографии. Советского историка интересовало бы прежде всего научное и политическое лицо Эванса, анализ его творческого пути. Самый взгляд на историю как на ряд случайностей, выпадающих на долю того или иного деятеля, говорит о крайней узости научного кругозора автора книги; семейно-родовые традиции, традиции наследственности, а не общественно-историческая и политическая среда предопределяют, с точки зрения автора, внутренний мир человека. Поэтому книга Джоанны Эванс в лучшем случае—наивна и бедна и не может удовлетворить требованиям, которые предъявляет к биографическим работам рядовой советский читатель.

Кс. Колобова